

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 71–76. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 71–76. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 82.01

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76>

АЛЕКСАНДР ВЕСЕЛОВСКИЙ О МИФЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ УЧЕНОГО (на материалах из личного архива ученого)

Говенько Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, govenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1296-8399>

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются основные положения дипломной работы выдающего русского филолога А.Н. Веселовского. Этот труд относится к раннему периоду его научного творчества. Он никогда не был опубликован и хранится в архиве ученого в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. В этой работе еще нет места развернутой критике доктринам «мифологии природы» и «сравнительной мифологии», но вполне очевидны приоритеты Веселовского в выборе индуктивного метода и метода сравнительного анализа в изучении мифа. В ходе исследования им даны антропологические трактовки мифического процесса, затронуты вопросы исторического генезиса символа волка в античной мифологии, сделан обширный сравнительный экскурс в мировую культуру. В статье отмечается, что, выдвинув на первый план проблему смены парадигм мировоззрения, Веселовский выделил три значимых периода в эволюции мифа, символа, образа волка и аргументировал свою точку зрения примерами. Этот текст представляет для нас особый интерес, так как свидетельствует о том, что уже в студенческие годы Веселовский отказался от гипотетических экскурсов «мифологической школы» в пользу культурно-исторического и сравнительно-типологического толкования источников и признал за мифом исходную модель познания человеком окружающего мира, со свойственной ей оригинальной синкретической структурой, эстетическим назначением, историей и эволюцией. Этого принципа, как можно убедиться по его более поздним трудам, он придерживался и впоследствии.

Ключевые слова: А.Н. Веселовский, античная мифология, символ волка, антропология, исторический генезис, эволюция мифа и сознания, мировая культура

Для цитирования: Говенько Т.В. Александр Веселовский о мифе: концептуально-методологические аспекты дипломной работы ученого (на материалах из личного архива ученого) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 71–76. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76>

Research Article

ALEXANDER VESELOVSKY ON THE MYTH: CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SCIENTIST'S THESIS (BASED ON MATERIALS FROM THE SCIENTIST'S PERSONAL ARCHIVE)

Tatyana V. Govenko, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Pedagogical State University, Moscow, Russia, govenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1296-8399>

Abstract. The article deals with the main provisions of the thesis of the outstanding Russian philologist Alexander Veselovsky. This work belongs to the early period of his scientific work. It has never been published and is kept in the archive of the scientist in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. In this work, there is still no place for a detailed criticism of the doctrines of «natural mythology» and «comparative mythology», but Alexander Veselovsky's priorities in choosing the inductive method and the method of comparative analysis in the study of myth are quite obvious. In the course of his research, he gave anthropological interpretations of the mythical process, touched upon the historical genesis of the wolf symbol in ancient mythology, and made an extensive comparative excursion into world culture. Bringing to the fore the problem of changing paradigms of worldview, Alexander Veselovsky identified three significant periods in the evolution of the myth – symbol and image of the wolf and argued his point of view with examples. This text is of particular interest to us, as it shows that even as a student Alexander Veselovsky abandoned

the hypothetical excursions of the «mythological school» in favour of cultural-historical and comparative-typological interpretation of sources and recognised the myth as the original model of human cognition of the surrounding world, with its syncretic structure, aesthetic purpose, history and evolution. This principle, as can be seen from his later writings, he had adhered to afterwards.

Keywords: Alexander Veselovsky, ancient mythology, wolf symbol, anthropology, historical genesis, evolution of myth & consciousness, world culture.

For citation: Tatyana V. Govenko. Alexander Veselovsky on the myth: conceptual and methodological aspects of the scientist's thesis (based on materials from the scientist's personal archive). *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 3, pp. 71–76 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76>

Годы обучения А.Н. Веселовского в Московском Императорском университете пришлись на 1854–1858 гг. Согласно «Положению о производстве ученых степеней» того времени выпускник университета мог претендовать на степень кандидата, если ему удавалось достичь значительных успехов в учебе и защитить выпускную квалифицированную работу. Профилем Веселовский выбрал классическую филологию, а его научным руководителем стал профессор кафедры римской словесности и древности П.М. Леонтьев.

В 1850 г. Леонтьев защитил диссертацию «О поклонении Зевсу в Древней Греции», взяв за основу концепцию мифа Ф.В.Й. фон Шеллинга, лекции которого он посещал в Германии. Немецкий философ внес существенный вклад в теорию мифа, когда разграничил понятия «миф», «философема» и «сага». Историко-генетический анализ позволил Шеллингу выявить формальные признаки стадийного развития мифологии разных народов, привязав их исключительно к вере в теогонические силы, «благодаря которым сознание исконно есть полагающее Бога сознание» [Шеллинг: 355].

Опыт диалектического конструирования мифологии Шеллинга Леонтьев перенес на древнегреческий образ Зевса и обнаружил несколько этапов в его эволюции: первый – догосударственный, где Зевс почитался как идол, управляющий стихиями природы; второй – государственный, где он стал верховным богом «гражданской жизни», родоначальником династий, покровителем монархии, блюстителем закона; третий – символический, когда представление о Зевсе перешло от предмета «мифологического мышления к философскому» [Леонтьев: 342]. Попутно Леонтьев отметил, что изменениям «от первоначальных мрачных и боязливых пелагистических воззрений к той совершенно свободной и изящной форме, которая была им дана в центре собственно-гелленского поклонения, в Олимпии» [Леонтьев: 343], были подвержены не только боги, но и присущие им животные атрибуты. Поскольку сам Леонтьев не ставил перед собой задачу изучения этого аспекта, требующего «самого обширного исследования всех мифов и всех поклонений» [Леонтьев: 274], он предложил ее выпускникам историко-филологического отдела

Александру Веселовскому и Владимиру Герье. Забегая вперед, надо сказать, что оба будущих ученых блестяще справились с заданием, за что были удостоены золотых медалей. По окончании университета Герье «стал готовиться к магистерскому экзамену по всеобщей истории» [Герье: 435] у С.М. Соловьева, а Веселовский – по всеобщей литературе у Ф.И. Буслаева.

Дипломная работа Веселовского опубликована не была. Черновик ее хранится в архиве ученого в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук¹. Сочинение носит название «De lupi et canis in mythologia graeca et romana partibus» («Волки и собаки в греческой и римской мифологии»). В тетради большого формата, датированной 1857 г., сначала размещен рукописный текст на русском языке, а потом – его перевод на латинский. В общей сложности рукопись занимает около ста страниц. Небольшой ее фрагмент был опубликован в 1979 г. К.И. Ровдой [Ровда: 189–190].

Научный стиль дипломной работы Веселовского отвечает требованиям того времени: он высоко-поэтический и излишне образный. В качестве примера приведем отрывок из вступительной части: «Противоположность света и тьмы и постоянная, нескончаемая борьба того и другого начала, схваченная более или менее отвлеченно, смотря по степени исторического развития народов, – вот основная мысль арийских мифологий. Родственна с ней и с нею обок стоит другая мысль, глубокая, философски задуманная: о зарождении светлого начала из хтонического состояния тьмы, неустройства. <...> В этом веровании о происхождении света из недр тьмы – есть неоспоримое свидетельство исторического смысла в народе, его способности к развитию. Как из жесткого лона кремня высекается искра, так песнь рождается из глубоко-грустной души поэта, так высекается полоса света из облака тьмы, так из глубины довременного хаоса произошло творение, и поныне происходит всякий общественный порядок, когда в гармонии сойдутся разлаженные стихии. Но вот обособилось царство света и устроя, и начинается его борьба против хаотической тьмы, борьба без конца, высказавшегося в мире мифа целым рядом соответствующих сказаний»².

Однако с методологической точки зрения Веселовский уже в этом юном возрасте имел смелость бросить вызов «мифологической школе» и построить свое исследование не по принципу толкования «солнечных», «облачных», «звездных», «грозовых» и «туманных» мифов, а руководствуясь формальной логикой и культурно-историческим, а также сравнительным анализом конкретно волчьего субстрата в культе Аполлона.

В своих концептуальных изысканиях Веселовский, помимо Шеллинга, ориентировался также на Г.Ф. Крейцера. В трактате «*Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*» («Символика и мифология древних народов, в особенности греческих») (1810–1812) немецкий филолог-классик описывал генезис мифа, опираясь не на теогонию, а на историю символа, и сделал важное заключение, что, пока содержание символа идентично гносеологическим потребностям общества, он выполняет мистическую функцию, но как только люди перестают в него верить, «символ переходит в разряд художественного образа, теряет свою трансцендентность и становится пластическим» [Creuzer: 987].

На взгляды молодого ученого оказали свое влияние и провокационные для того времени труды Л.А. Фейербаха (1804–1872) «*Das Wesen der Religion*» («Сущность религии») (1845) и «*Theogonie*» (Теогония) (1857). Мифологию и религию немецкий философ-материалист изучал с исторической и антропологической точек зрения, уделив особое внимание эмоциональному психогенезу. Фейербах утверждал, что именно страх перед стихиями природы и одновременно восхищение ею, а также зависимость от ее даров лежат в основе вымышленных существ и ситуаций, выдаваемых за саму действительность в мифе. Возможность их появления в формате вымышленного произведения он объяснял способностью человека к абстрактному мышлению, благодаря которому он извлекает из окружающего мира «то, что подобно, равно в предметах, обще им», и переносит «в качестве самостоятельного существа в их сущность» [Фейербах: 620]. Этот мыслительный механизм Фейербах коррелировал с общественным бытием: с его сложной и многообразной ритуальной системой поведенческих норм, познавательной, смыслообразующей, поэтической, законодательной, мировоззренческой, социальной и прочими видами деятельности.

Удивительно, но уже в это время молодой исследователь демонстрирует умелое владение несколькими современными ему методами: индуктивным, культурно-историческим и сравнительным. Наложив матрицу с периодизацией на античный культ Аполлона, он грамотно выявляет несколько стадий его развития от дуалистической конфронтации к культу Диониса, когда оба божества символизировали смену времен года и противопоставлялись как плодород-

ные/замерзание земли, поэтому в натуралистическом мифе Аполлон и Дионис выступали в качестве антагонистов – до их союзничества. «Вся первая половина той эпохи греческой мифологии, в которой представления Дионисийского и Аполлонического циклов восстают друг подле друга отдельными культами, вся эта половина полна слухом об их нескончаемой вражде, переживаний побед и поражений»³, – пишет Веселовский. Изменения в социально-политической и экономической сферах жизни в дальнейшем привели к перестройке религиозных представлений, и от «былых идеальных созданий Олимпа они шагнули в образы плотского, земного свойства»⁴, становясь союзниками. Таким образом, на ранней фазе мы наблюдаем Аполлона Ликейского – «божество по преимуществу ратующее, грозное»⁵, а на последней – Аполлона Делосского и Дельфийского, который занимает место солнечного бога, ориентированного на покровительство «врачевству» и «прорицаниям». Эти преобразования не обходят стороной и аполлонический символ волка: «понятый искони как атрибут бога борющегося, он мог отступить впоследствии от своего начального значения и в связи с прогрессом религии явиться последовательно эмблемой карающего существа, потом гонимого, наконец, в представлениях известного кружка – просто на просто символом света»⁶.

Важно отметить, что предметом исследования А.Н. Веселовского становится не только периодизация культа Аполлона, как это было, например, в диссертации П.М. Леонтьева, а проблема соотношения мифа, символа и образа в историческом развитии.

«Символ, – пишет Веселовский, – не есть позднейший привесок мифологического образа. <...> Символ и антропоморфический образ божества, которому придан этот символ, – не что иное, как различные аватары одной и той же сущности. Отсюда тесная взаимосвязь между ними, возможность одной заменить другую, значение одного прозревать в деятельности другого»⁷. Подобные соответствия в характере божества Аполлона и его символа-волка Веселовский объясняет их одинаковой гносеологической и аксиологической природой.

«Спросим язык современника той давней поры, язык, строящий название предмета сообразно с тем впечатлением, какое производит он на человека, сказать вернее, какое производил он на человека былого времени, богатого чутьем, живее и скорее нашего подававшего влияниям внешности и переводившего их в столь же живое и пластическое слово. Гений языка отметил в волке его грабительскую наклонность, в его характере – черту разрушения»⁸. В качестве доказательства А.Н. Веселовский приводит сравнительно-лингвистический срез слова «волк» на всех индо-европейских языках, а также обнаружи-

вает проявление «ликоизма» у всех носителей «волчьих имен»: Лика, Ликомеда, Ликурга и т. д., демонстрируя тем самым свои широкие познания в области сюжетики, героики и поэтики античной мифологии. Параллельно с этим Веселовский приходит к еще одному значимому выводу – о связи символа со средой бытования. «Символ, – отмечает он, – там имеет полное значение свое, где впервые нашел свою материальную оболочку; перенесите его в другую среду, которая не видела зарождения его, и он потеряет свою силу, свой смысл»⁹.

То, что символ волка оказался «тесно и необходимо» связан с культом Аполлона, А.Н. Веселовский считает вполне логичным, поскольку «богу, борющемуся по преимуществу, нужен был пластический символ, который, чтобы выразить собой весь смысл этой борьбы, соединил бы все условия победы: мужество, отвагу, стремительность, склонность к разрушению, неразлучную от победы материальной силы над нематериальной. Мне кажется, что именно в этом смысле присоединен был символ волка к первобытной личности Ликейского бога, – пишет А.Н. Веселовский. – Лучшего выбора, кажется, не мог сделать европейский человек: действительно в мире зверей, окружающих его, ни одно животное не выдавалось так вперед качествами, необходимыми для ликейского символа, и вместе с тем не стояло так близко под рукой при своей распространенности, особенно в былое время»¹⁰. То есть волк становится символом Аполлона по ассоциации, или, как ученый назовет этот прием позже, по принципу смыслового параллелизма.

По свидетельству древних историков, своей популярности культ Аполлона Ликейского достиг с пришествием Дана из Египта в Аргос, чье воцарение ознаменовалось видением, в котором волк одержал победу над быком. В этот период, как полагали многие мифологи, в результате культурного трансфера египетских мифов, где иероглиф волка соответствовал солярному знаку, наблюдается переход волка от темного хтонического существа к светлому защитнику правды. Однако Веселовский эту точку зрения не разделяет. Он подробно пересказывает содержание дошедших до нас античных преданий и высказывает гипотезу о том, что древний символ волка мог естественным путем обратиться к свету, к идее плодородия и производительности и указывает на предпосылки к этому. «Место его в культе Марса-Луперка определилось вначале именно этим мрачным, отрицательным характером, и только вследствие одностороннего развития самой религии стал он носителем более мирных идей... <...> такое действие можно допустить в нашем случае, если в генетической последовательности провести соединение от божественной волчицы Луперки, питающей, плодоносящей, к позднейшей гетере Лупа»¹¹ и дальше – к Луперка-

лям, римским пастушеским праздникам очищения и плодородия в честь бога Луперка – покровителя стада от нападения волков. Как видим, Веселовский уже в этом возрасте проявляет себя глубокомысленным исследователем, который переходит к объяснению сходств заимствованием лишь в том случае, если не обнаружит причины подобного явления во внутреннем развитии традиции.

На следующем этапе своей работы молодой ученый переходит к выявлению типологических особенностей образа волка в фольклоре европейских народов. Сравнения аналогичных явлений приводят его к обобщающим выводам: волк – «персонализация силы разрушающей, губительной, силы тьмы в ее буквальной борьбе со светом, силой зимнего холода в ее противоположности с жаром и благодатью лета. В одной русской сказке волк прямо называется «темнотою»... <...> по преданиям западных славян царь-солнце борется с нечистой силой, которая нападает на него в виде волка... <...> сходное поверье у хоружан: папоротник, говорили они, расцветает в то время, когда солнце побеждает черного волка. <...> Народный язык осязательно выразил символическое отношение волка к зимней стуже и морозам, когда все продолжение времени от ноября до февраля назвал волчьим временем, а февраль – лютым: лютый, как мы видим, это преимущественный эпитет волка»¹². Другими словами, почти у всех народов волк занимал особое место в культе хтонических божеств, выступал эмблемой смерти и отрицания света, однако на более поздней стадии развития оказался наделен качествами солнечного божества и получил отражение в аграрной традиции: у германцев дух плодородия зерна звался «ржанным волком» и прятался в последнем снопе; славяне поклонялись Волчьему богу, рядились в его шкуру ради плодородия, изобилия, деторождения и приплода скота и т. д. Двойственная натура символа волка отразилась в поверьях об оборотнях-волкодлаках и даже в образе былинного богатыря-оборотня Волхва Всеславьевича (Вольга Святославовича). Покровителями волков были языческие боги: Один, Велес, Перун и т. д.; христианские святые: св. Георгий, св. Николай и другие.; народные святые: Егорий Храбрый, Тутьр и проч.

Дипломная работа Веселовского, бесспорно, демонстрирует широкий культурологический кругозор ее автора, знания им сюжетов мифов и сказок, героических сказаний, преданий и легенд, заклинаний и заговоров, загадок, пословиц и поговорок не только европейских, но и восточных народов. Принципиальное значение для исследования приобретают и его опыты в лингвистической компаративистике. Особый интерес он проявляет к «психологии мифического процесса» и к онтологической сути мифа. Вполне очевидно, что миф в его оценке – не примитивный

факт первобытной культуры, а самоорганизующаяся система, парадигма сознания, отражение форм социального существования человека, бытия древнего общества с его сложной и многообразной ритуальной системой поведенческих норм. Пристальное внимание А.Н. Веселовского уже здесь, в дипломной работе, обращено на то, что в первобытном мышлении «еще слиты неразделительно эстетические и научные представления человека о действительности»¹³, а его смыслопорождающая деятельность напрямую зависит от конститутивного мировидения.

Миф, напишет ученый позже, – это «не вымысел, а результат психического акта, столь же естественно, как всякое другое отправление душевной деятельности» [Веселовский 2006: 122], отличительными особенностями которого являются цикличное восприятие времени и синкретизм. Много лет спустя эта проблема станет центральной в творчестве французского философа-антрополога Л. Леви-Брюля. В труде «*La mentalité primitive*» («Первобытное мышление», 1922) он, как и Веселовский, ищет точки соприкосновения психологии и культуры и приходит к аналогичному решению: признать главным свойством «дологического» сознания партиципацию – синтетически-нерасчлененное состояние единства человека с окружающим миром.

Что касается исторического развития мифа, то, по мнению Веселовского, на архаической стадии он отвечал запросам социально-политической и хозяйственной деятельности, но как только в обществе накопилось достаточно опыта, «частные мифы сводятся, сливаются, мифы цвета и протяжения, мифы действия и страдания; между ними открывается генетическая связь, связь причин и следствий, пробуждается сознание организма» [Веселовский 1938: 50]. Естественным образом «историческое накопление впечатлений» [Веселовский 1938: 48], полагал Веселовский, ослабляет навык «воспринимать зараз целый комплекс впечатлений, массу подробностей» [Веселовский 1938: 49], и мифа, ограниченного «символической частностей» [Веселовский 1938: 50], становится недостаточно. Последующие за этим перемены в мировоззренческой парадигме – это «выражение социологических и народно-психологических законов, действующих в истории» [Веселовский 1940: 465] и неизменно получающих отражение в искусстве.

Впоследствии этому аспекту Веселовский посвятит не одну статью, где будет развивать мысль, что система ценностей и миропонимания периодически утрачивает свою силу, но номинально сохраняется в сюжетно-образных схемах, тематических моделях, стилистических клише, «неизменных формулах, далеко простирающихся в область истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу» [Веселовский 1938: 51]. Признание стратификации, считает

ученый, потенциально ставит перед наукой задачи структурно-функциональной экспликации и анализа смыслов через реконструкцию контекстов.

Подводя итоги, хочется еще раз указать на следующие моменты:

1. Уже в студенческие годы у Веселовского сформировался взгляд на миф как на исходную модель познания человеком реальности. В мифе он видел «особую форму субъективного восприятия явлений внешнего и в переносном смысле внутреннего мира» [Веселовский 2006: 122] и утверждал, что «мифический процесс присущ человеческой природе, как всякое другое психологическое отправление» [Веселовский 1938: 10].

2. Мифология имманента всем народностям: у одних ее сюжеты «доживают в символах и сказке, у других дали формы религиозному культу» [Веселовский 1940: 504].

3. История литературы требует ясного понимания «эволюции поэтического сознания и его форм» [Веселовский 2010: 57], и ее метод должен быть направлен в том числе и на выявление мифопоэтических компонентов в семантической и морфологической организации художественных и фольклорных текстов.

Примечания

¹ РО ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2. 98 л.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 34.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Там же. Л. 49–50.

¹³ Там же. Л. 51.

Список литературы

Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // Собрание сочинений А.Н. Веселовского. М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. XVI. С. 1–82.

Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.; Л.: Художественная литература, 1940. 680 с.

Веселовский А.Н. Отчеты о заграничной командировке (1862–1864) // Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. С. 39–76.

Веселовский А.Н. Определение поэзии // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М.: РОССПЭН, 2006. С. 81–170.

Герье В.И. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 424–440.

Леву-Брюль Л. Первобытное мышление. СПб.: Академический Проект, 2015. 432 с.

Леонтьев П.М. О поклонении Зевсу в Древней Греции. М., 1850. 344 с.

Ровда К.И. Александр Веселовский. Миф и символ / предисл., публ., примеч. К.И. Ровды // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 186–199.

Фейербах Л.А. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Политическая литература, 1955. 942 с.

Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии: собр. соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.

Creuzer G.Fr. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Leipzig, 1820, 1008 pp.

References

Veselovsky A.N. *Zametki i somneniya o sravnitel'nom izuchenii srednevekovogo eposa (1868)* [Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic (1868)]. *Sobraniye sochineniy A.N. Veselovskogo* [Collected Works of A.N. Veselovsky]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 16, pp. 1–82. (In Russ.)

Veselovsky A.N. *Poetika syuzhetov* [Poetics of plots]. *Veselovsky A.N. Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. (In Russ.)

Veselovsky A.N. *Otchety o zagranichnoy komandirovke (1862–1864)* [Reports on a foreign business trip]. *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike* [Favorites: On the way to the historical poetics]. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 39–76. (In Russ.)

Veselovsky A.N. *Opredeleniy poesii* [Definition of poetry]. *Veselovsky A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, pp. 81–170. (In Russ.)

Gerye V.I. *Granovskiy v biograficheskom ocherke A. Stankevicha* [Granovsky in the biographical sketch of A. Stankevich]. *Vestnik Yevropy* [Bulletin of Europe], 1869, No. 5, pp. 424–440. (In Russ.)

LevyBruhl L. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive thinking]. St. Petersburg, Akademicheskii Proyeckt Publ., 2015, 432 p. (In Russ.)

Leontyev P.M. *O poklonenii Zevsu v Drevney Gretsii* [About worshipping Zeus in ancient Greece]. Moscow, 1850, 344 p. (In Russ.)

Rovda K.I. Aleksandr Veselovskiy. *Mifi simbol* [Alexander Veselovsky. Myth and symbol]. *Predisloviye, publikatsiya, primechaniya K.I. Rovdy* [Preface, publication, notes K.I. Rovda]. *Russkiy folklor* [Russian folklore]. Leningrad, 1979, vol. 19, pp. 186–199. (In Russ.)

Feuerbach L.A. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected philosophical works: in 2 vol.]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1955, 942 p. (In Russ.)

Schelling F.V.Y. *Vvedeniye v filosofiyu mifologii. Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Introduction to the philosophy of mythology. Collected Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 2, 636 p. (In Russ.)

Creuzer G.Fr. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. Leipzig, 1820, 1008 pp. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 17.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 17.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.